

«Солнце русской поэзии» и европейская словесность: к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

© 2024 А.П. Трушкина

Трушкина Алена Петровна, преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы МГУ им. Н.П. Огарева
E-mail: trualena1998@mail.ru

Мордовский государственный университет им. Н.П.
Огарева Саранск, Россия

Аннотация. Рассматривается влияние классиков европейской литературы (У. Шекспира, Дж. Г. Байрона, Э.Т.А. Гофмана) на творчество А.С. Пушкина. Показано, что русский классик не просто заимствует мотивы и образы мировой литературы, но «встраивает» их в русский культурный контекст, обогащает национальным колоритом и характерными особенностями отечественной культуры. А.С. Пушкин устанавливает диалог между русской и европейской словесностью, превращает «чужое» слово в «свое», делает русскую литературу частью мирового культурного наследия.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русская литература, европейская литература, «чужое слово», традиция

А.С. Пушкин, чье 225-летие отмечается в этом году, вне всякого сомнения, обогатил и преобразовал русскую культуру: с его именем связано возникновение русского литературного языка, национальной теории драмы, появление в отечественной литературе таких оригинальных жанров, как «маленькие трагедии» и «роман в стихах». Он переосмыслил понятие историзма, предложив новое видение исторического процесса и самого понятия исторического времени. Наконец, именно благодаря Пушкину отечественная литература стала явлением мирового масштаба и органичной частью мировой культуры.

Исследователи справедливо связывают творчество Пушкина с феноменом «всемирности», подразумевая под этим «особую форму диалога русской культуры с другими культурами через взаимоотражение литератур» [3, с. 61]. Первооткрывателями «всемирности» стали отечественные классицисты, перенимавшие опыт европейских писателей, которые, в свою очередь, стремились подражать античным авторам. Эту тенденцию продолжил пушкинский наставник В.А. Жуковский, познакомивший русского читателя с Г.А. Бюргером, Т. Греем, И.В. Гете, Ж. де Лафонтеном, Дж. Томсоном, Ф. Шиллером и другими авторами, не просто перенесший европейский романтизм на русскую почву, но способствовавший развитию самобытной отечественной литературы, акцентируя уже в «Светлане» и «Людмиле» национальный колорит, вводя в свои произведения описания сугубо русских пейзажей и деталей быта.

А.С. Пушкин воспринял и расширил опыт своего учителя, не только аналитически осмысливая важнейшие феномены европейского литературного процесса, но и экспериментируя с образами и мотивами европейской словесности (Дон Жуан, Фауст, Отелло, мотивы скупости, мести, игры со смертью). Он вступает в диалог с гениями мировой литературы, причем это диалог на равных.

Так, стимулом для создания «южных» поэм послужило творчество Дж. Г. Байрона, от которого, по словам самого Пушкина, он «тогда с ума сходил» [6, с. 238]. «Братья-разбойники», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан» принадлежат к «байроническим» поэмам, на что указывает внутреннее повествование, лирические отступления, акцент на эффектных вершинных действиях, наличие недосказанности как

необходимого для драматической связи элемента. Под влиянием великого английского романтика написаны и некоторые иронические произведения («Домик в Коломне», «Граф Нулин»), однако уже здесь очевидны отступления от первоисточника в виде характерного для русской культуры места действия – Пушкин закрепляет в мировой литературе особый, сугубо русский, усадебный хронотоп. Вскоре очарование Байроном прошло, ярко выраженный субъективизм английского романтика не удовлетворял русского поэта и драматурга, и первым полемичным ответом Пушкина европейскому гению стала «Полтава», написанная под впечатлением от байроновского «Мазепы»: в версии русского писателя гетман – злодей, а не герой.

Творчеству Пушкина была свойственна и «шекспиризация» [3, с. 61]. Он активно работал с шекспировским наследием, что отразилось и в «Борисе Годунове», и в «Анджело», которым свойственны не только внешние элементы шекспировских хроник, но и глубинные философские основы, характерные для творчества английского драматурга. Пушкин не просто воспроизводил отдельные мотивы и образы великого предшественника, он стремился выйти за рамки очевидных деталей, чтобы ощутить и понять невидимый, но мощный смысл, который лежит в основе художественного мира У. Шекспира. Он перешел от изучения мелочей, так называемой «тактики» к пониманию общей стратегии, которую использовал классик английской словесности, и это понимание стало ключевым в диалоге русской литературы с творчеством Шекспира [4]. Так, скупой рыцарь Пушкина из одноименной трагедии отчасти является носителем комического начала и, вероятно, отсылает к фольклорному образу Кощея, который «над золотом чахнет» [5, с. 56], в то время как персонаж шекспировского «Венецианского купца» – смешение комического и трагического с очевидным преобладанием второго.

Национальный колорит очевиден и в «Пире во время чумы», источником которого считается фрагмент поэмы «Город чумы» Дж. Вильсона. Отношение пушкинского текста к оригиналу можно определить как сокращенный перевод с подвижной степенью точности, причем упомянутая особенность проявляется в лирических вставках. Песнь Мери и гимн Вальсингама написаны без опоры на английский источник.

Нельзя не отметить связь пушкинского творчества с поэтикой Э.Т.А. Гофмана. Яркий пример – «страшная» повесть «Пиковая дама», вобравшая в себя, с одной стороны, особенности европейских готических романов, с другой, гофманианские мотивы карточной игры, нравственного испытания, сна/безумия (встречаем эти компоненты в «Эликсирах Сатаны»), образ куклы/автомата (у Пушкина – графиня, похожая на мертвеца, приводимого в движение электрическим током; механическая девушка-кукла Олимпия в «Песочном человеке» у Гофмана), а также типичное для немецкого романтика построение художественного пространства с учетом принципа двоемирия. При этом новаторство Пушкина проявляется в изображении появления призрака, свойственном жанру былички, когда встреча со сверхъестественным происходит внезапно.

Античные авторы Гомер, Эсхил, Плутарх, возрожденцы Дж. Боккаччо, Т. Тассо, представитель классицизма Ж. Расин, романтики В. Гюго, Ч.Р. Мэтьюрин, А. де Мюссе, В. Скотт, Р. де Шатобриан... Список тех, с кем Пушкин вел, говоря словами М.М. Бахтина, «диалог на расстоянии», можно продолжить, и трансформация особенностей творчества европейских классиков на русской почве, осуществленная им, составляет очертания зарубежной части его литературного тезауруса. Пушкинское освоение западного наследия стало отправной точкой для осмысления и проникновения в российскую культуру «чужого, но не чуждого ей» [3, с. 60] художественного опыта. Глубокая убежденность Пушкина в том, что высокий уровень творчества обеспечивается свободой от любых тенденций и идейных установок, аналитическое прочтение европейского литературного процесса («всечеловечность» и «всемирная отзывчивость», по Ф.М. Достоевскому) и глубинное постижение национального опыта составили в

своей совокупности фундамент русской словесности.

1. *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. М.: Наука, 1974. 207 с.
2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. М.: URSS, 2024. 376 с.
3. *Луков Вл.А., Захаров Н.В.* Пушкин и проблема русской всемирности // Вестник Международной академии наук. (Русская секция). 2008. № 2. С. 60–64.
4. *Мюллер В.К.* Пушкин и Шекспир. Драма и театр эпохи Шекспира. М.: Аудитория, 2015. 260 с.
5. *Пушкин А.С.* Руслан и Людмила; Сказки; Песни западных славян. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 224 с.
6. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1959–1962. 600 с.

**“The Sun of Russian Poetry” and European
Literature:
to the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin**

2024 A.P. Trushkina

*Trushkina Alena Petrovna
lecturer of the Department of Russian and foreign
literature in N.P.Ogarev National Research Mordovia
State University E-mail: trualena1998@mail.ru*

*N.P.Ogarev National Research Mordovia State University
Saransk, Republic of Mordovia*

Annotation. The study examines the influence of the classics of European literature (W. Shakespeare, J.G. Byron, E.T.A. Hoffmann) on the work of A.S. Pushkin. It is shown that the Russian classic does not simply borrows motifs and images of world literature, but “embeds” them into the Russian cultural context, enriches them with national coloring and characteristic features of domestic culture. A.S. Pushkin establishes a dialogue between Russian and European literature, turns the “foreign” word into his own one, makes Russian literature a part of the world cultural heritage.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian literature, European literature, “alien word”, tradition

1. *Bocharov S.G.* Poetika Pushkina. M.: Nauka, 1974. 207 s.
2. *Zhirmunskij V.M.* Bajron i Pushkin: Iz istorii romanticheskoi poemy. M.: URSS, 2024. 376 s.
3. *Lukov Vl.A., Zaharov N.V.* Pushkin i problema russskoj vseмирnosti // Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk. (Russkaya sekciya). 2008. № 2. S. 60–64.
4. *Myuller V.K.* Pushkin i Shekspir. Drama i teatr epohi Shekspira. M.: Auditoriya, 2015. 260 s.
5. *Pushkin A.S.* Ruslan i Lyudmila; Skazki; Pesni zapadnyh slavyan. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 224 s.
6. *Pushkin A.S.* Sobraie sochinenij. V 10 t. T. 6. M.: GIHL, 1959–1962. 600 s.